

«Истинно, так как содеяно?» Или — «истинное знание есть знание причины?»

Почему с нами происходило то, что происходило? В чем первопричина, корни?

...Имя Александра Сокурова не просто «на слуху» и «на устах». Как кто-то верно заметил, влияние этой крупной нестандартной личности сейчас многие начинают ощущать. Сокуров — автор трудных, сложных фильмов. Киноязык его работ не то, чтобы не доступен многим — он иной, другой, чем в большинстве фильмов, и которыми мы, увы, привыкли. Это восхищает одних и отталкивает других. Но равнодушно Сокурова не воспринимает никто.

Фильмы Сокурова побуждают видеть, а не смотреть, они не для всех, но про каждого.

Представляя так его фильм стало едва ли не штампом, но сам он в своих работах бьет не на жизнь, а на смерть во всякого рода штампами, шаблонами, банальностями, общими местами. Его фильмы — это всегда антиштампы.

На мой взгляд, антиштампы являются и размышления Александра Сокурова на предложенную нами тему.

Александр Сокуров — человек, вокруг которого давно стала возникать легенда. За десять лет работы в кинематографе в годы «застоя» он снял тринадцать картин, и они все (!) были положены на полку.

«Запрещенный» Сокуров. «Подпольный» Сокуров. «Загадочный гений» Сокуров. «Непротканный» Сокуров.

Кстати, у фильмов Сокурова и сегодня очень трудная прокатная судьба. Почему? Не идет на фильмы народ? Отнюдь. Вслышный раз, когда в кинотеатрах появляются фильмы Сокурова, залы набиты до отказа. Но появляются в кинотеатрах фильмы Сокурова крайне редко. Может быть, дело в зыбкости и случайности ценностей, которыми по сей день руководствуются те, кто неустанно решает за народ, что ему, народу, надо, а что не надо? Вот и две последние работы Сокурова — художественная лента «Спаси и сохрани» (по мотивам романа Флобера «Госпожа Бовари») и документальная «Советская элегия» (мир слухами полон, и в народе ее уже окрестили «картиной про Ельцина»), хотя и приняты официально, но когда пробьются на широкий экран и пробьются ли вообще — неизвестно.

Впрочем, мое предисловие явно затянuloсь, слово — Александру Сокурову.

«Каков наследник наш? В моем представлении нет такого единого типического образа. Надо, чтобы появилось поколение свободных людей. Тогда можно будет составлять какое-то представление. А так мы напоминаем солдатыков. Оловянных, деревянных...»

«На мой взгляд, есть три профессии, путь к которым не должен сопровождаться опытом унижений. Учитель, врач и художник. Приобретая опыт унижения: начнет изыскать больных своих врач, будет не любить, ненавидеть их; то же произойдет с учителем, у него уже вовнутрь, в сознание, в физиологию, в психофизику войдет память соображения мира с колена — и ученика поставит на колени; рабом станет художник. Вообще человек, прошедший школу унижения, — раб. Говорят: какая у меня была трудная жизнь, как я ей благодарен! Нельзя быть благодарным тому, что тебя унижает. Это утигарно. Я могу быть благодарен только труду! Я могу быть благодарен моей судьбе, что она помогла мне попасть в ситуацию, когда я должен был трудиться. Я был вынужден просто очень много работать и был рядом с людьми, которые сами много трудились и умели ценить это в других».

«Почему благотворительность у нас сейчас не имеет успеха? Потому что нищий пытается кормить нищего. Почему штаты в наших благотворительных обществах раздуты? Потому что эти штаты сами живут за счет благотворительности. А жить за счет благотворительности нельзя. Можно ее только совершать».

«Мне кажется, вместо новых штатов для того же детдомовского папана, если он заболел, важнее, чтобы кто-то пошел рядом с ним у кровати, погладил его по голове, дал ему градусник. Так я понимаю благотворительность. Она прежде всего имеет духовное основание».

«Многие дети переросли родителей в ощущении жизни, в восприятии жизни. Большинство родителей чудовищно относятся к вопросам, например, эротики, секса. Родители, как кенгуру, носят детей в своих сумках. При этом многие из них духовно ничего не в состоянии дать своим детям. Спросите, во что верят все эти люди — инженеры, врачи, учителя, которые родили детей, сами они во что верят? Ни во что. Ну, просто ни во что. Ни в Бога, ни в черта».

«На кинорынке — просмотр «Спаси и сохрани» для прокатчиков. Попасть на него очень сложно, в дверях проверяют, как на таможене, но зал заполнен едва ли на одну треть».

«Спаси и сохрани» — фильм эротический. Открыто, не таясь, без ужимок, без вдруг взметнувшихся в небо чез, подробно, глубоко и серьезно исследуется здесь любовь-эрос».

Русский философ и историк Николай Бердяев писал: «Любовь личная, индивидуальная направлена на единственное, неповторяемое, незаменимое лицо. Половое влечение легко соглашается на замену, и замена действительно возможна. Если любовь-эрос не соединяется с любовью-жалостью, то результаты бывают истребительные и мучительные. В эросе самом себе есть жестокость, он должен смиряться жалостью. Безжалостная любовь отвратительна».

Мне кажется, фильм именно об этом: как не соединилась любовь-эрос с любовью-жалостью. И о том глубоко внутреннем трагизме, что вообще присуще любви.

И в этом смысле я понимаю режиссера, который сказал о своей картине «Спаси и сохрани»: да, конечно, будут стоять ограничения «до 16 не разрешается», хотя, может быть, именно до 16 ее и надо показывать».

А на кинорынке картину не купил никто.

«Взгляд, главная задача искусства — повторять все время одно и то же. Из года в год. Из дня в день. В обществе в определенный промежуток времени приходит новое поколение, которое не имеет нравственных навыков жизни. Кто будет прививать их? Политики? Нет, конечно. У них — сиюминутные интересы. Только искусство может прививать нравственные навыки жизни, поэтому оно и должно говорить об одном и том же. О вечном. А главной задачей политической партии по отношению к своим согражданам должно быть, на мой взгляд, интеллектуально — гуманистическое обеспечение жизни общества и государства».

«Самое трудное — верить. Но человек держится верой, «Вера — не результат одинокого умствования, в котором свободное от всяких связей Я что-то выдумывает для себя в поисках истины. Вера есть скорее результат диалога, выражение слышания, при-

го контекста, а всегда — только гуманитарный гуманистический смысл».

Женщина обязательно должна верить. Это для меня аксиома. У мужчин есть выбор. Мужчина вправе выбирать. Женщина не вправе. Почему? Женщина должна с генами передавать спокойствие. Такая женщина никогда не будет вести себя, как ведут советские женщины в домоуправлении, в магазинах. Я недавно заходил в домоуправление и видел, как были друг друга женщины из-за справки. А почему мужчина вправе выбирать? У мужчин есть и другое поприще — поприще политической деятельности, а это вещи — как бы взаимоисключающие».

Верю, что слово художника может спасти и сохранить человека. Но! Никто за нас не найдет смысл в нашей жизни. Нельзя быть рабом ничего авторитета. От любви и авторитету до любви и крепкой руке — один шаг.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЗАТМЕНИЯ

Об этом размышляет режиссер Александр Сокуров

«Но вы бы видели, что творилось в зале!»

Пожилые тети и дяди, чьи-то папы и мамы, а то и бабушки и дедушки, знакомые с той стороны жизни, что показывалась на экране не понаслышке, громко восклицали: «Какие непростойности!», но, хихикая при этом, толкали друг друга в бок и показывали пальцами на экран: «Гляди, гляди!»

«Кто же, однако, ответит за то, что люди смотрели в детстве исключительно «Кубанских казаков» и их принуждали любить такое кино и принимать его за жизнь и за правду?»

«А что «Спаси и сохрани»? Может быть, тоже «опыт борьбы с удушьем?»

«Сокуров верит, что скорбное бесчувствие нашей жизни должно отступить перед величием гармонии искусства».

«Но он нисколько не обольщается сегодняшним состоянием культуры».

«Очень многие не понимают, что живут в условиях профессиональной культуры. А профессиональная культура ориентируется только на определенные слои населения. Музыкант, который занимается классической музыкой, и тот не на всю часть людей, интересующихся музыкой классической, работает, а только на определенную группу, ориентирующуюся на определенную эстетику. Шнитке интересен не всем. Шостакович интересен не всем. То же касается кинематографа, живописи, литературы и т. д. Что же касается народной культуры, то ее невозможно сконструировать. Никто не знает, откуда народная культура произрастает. Может быть, народная культура возникает только в среде свободных людей? Родается принципиально там, где человек за окном видит зеленую траву или лес, слышит шум этой травы? А город все-таки место профессиональной культуры. Когда-то одно и другое занимало свое место в обществе и имело свою аудиторию, а в каких-то обстоятельствах и соприкасалось. Я имею в виду «Могучую кучку». Как известно, она была связана с музыкальной культурой народа. Возьмем того же Мусоргского, Мусоргский — самый профессиональный композитор из всех композиторов в России. Не в смысле владения инструментом, а в смысле переложения на целостность. У Мусоргского все рукотворно и все божественно в то же время. А судьба у него была печальная. Трагическая. Я думаю, если бы он прожил на пять, семь, десять лет больше (умер он в сорок два года), может быть, и Шостакович от этого был бы другим, и Шнитке был бы другим. Вот удивительная, совершенно необыкновенная ситуация: один человек в истории музыки не прожил еще несколько лет, не написал еще двести вещей, — и все направление отечественной музыки пошло по какому-то другому пути. Роль личности в искусстве более определяющая, более фундаментальная, чем, скажем, роль личности в истории. Потому что в культуре разорванные структуры не восстанавливаются, у художника нет замены. Художник — оригинален. Политик — бройлер».

«В культуре все должно происходить вовремя. Своевременно! Хотя искусство живет категориями вечными, оно тем не менее рождается каждый момент и питается временем. Искусство не влетает во воздух, не свисает, не влетает — оно потребляет время. Общество развивается непрерывно, но циклично. Поэтому, на мой

взгляд, главная задача искусства — повторять все время одно и то же. Из года в год. Из дня в день. В обществе в определенный промежуток времени приходит новое поколение, которое не имеет нравственных навыков жизни. Кто будет прививать их? Политики? Нет, конечно. У них — сиюминутные интересы. Только искусство может прививать нравственные навыки жизни, поэтому оно и должно говорить об одном и том же. О вечном. А главной задачей политической партии по отношению к своим согражданам должно быть, на мой взгляд, интеллектуально — гуманистическое обеспечение жизни общества и государства».

«Самое трудное — верить. Но человек держится верой, «Вера — не результат одинокого умствования, в котором свободное от всяких связей Я что-то выдумывает для себя в поисках истины. Вера есть скорее результат диалога, выражение слышания, при-

го контекста, а всегда — только гуманитарный гуманистический смысл».

Женщина обязательно должна верить. Это для меня аксиома. У мужчин есть выбор. Мужчина вправе выбирать. Женщина не вправе. Почему? Женщина должна с генами передавать спокойствие. Такая женщина никогда не будет вести себя, как ведут советские женщины в домоуправлении, в магазинах. Я недавно заходил в домоуправление и видел, как были друг друга женщины из-за справки. А почему мужчина вправе выбирать? У мужчин есть и другое поприще — поприще политической деятельности, а это вещи — как бы взаимоисключающие».

Верю, что слово художника может спасти и сохранить человека. Но! Никто за нас не найдет смысл в нашей жизни. Нельзя быть рабом ничего авторитета. От любви и авторитету до любви и крепкой руке — один шаг.

«Первое, что вызывает у меня крайнее отторжение и крайнюю негативную реакцию, — это местоимение «мы», которое закрепилось на практике. «Мы недоглядели». «Мы недосмотрели». Кто это «мы»? Недоглядела и недосмотрела политическая система. Это — не мы. Это то, что существует над нами. Конечно, взаимосвязь есть, взаимозависимость есть, но не в такой степени, как предполагается».

«На мой взгляд, в течение длительного времени общество, которое стало называться советским, развивалось и существовало вне зависимости, вне какого-либо контакта с жизнью народа. Главными критериями стали политические критерии».

«Все бы ничего, но только осетру в болоте невозможно жить. Чтобы завелись осетры, нужна проточная вода. Что значит — «мы не занимаемся обществом»? Существовала политическая система, которую общество во не интересовало. Место обществу в этой системе не предполагалось. А вот — строй, ряд, ран жир — в них политическая система была крайне заинтересована».

«Система стала политическими категориями соизмерять, соотносить, проверять, например, искусство. Вопросы эстетики подменялись вопросами политики. И всякая эстетическая самостоятельность, независимость, любое эстетическое направление сразу приобретало для политического режима опасные очертания. И тут нет ничего удивительного. Эстетика очень неопределенна. Ее невозможно определить двумя-тремя фразами, тем более политическими».

«Но причины той ситуации, которая сложилась сегодня в стране, я повторяю — политические причины. Как я их вижу — не экономические, а сугубо политические. Это монополизация идеологии. Возвышение идеологии над всем остальным».

«Что можно сделать сейчас? Сделать можно самое простое. Не зря этой простоте так сопротивлялся наш Съезд народных депутатов. Надо вернуть вопрос о власти. И вопрос о собственности».

«Причины национальных конфликтов — тоже в политической структуре. Они появляются там, где критерием является не строгое историческое мышление, а вульгарно-политическое мышление, которое обслуживает интересы только определенного политического момента. Национальные конфликты сегодня крайне болезненны лишь потому, что их надо «хоть как-то решить». И решаются они исходя исключительно из ЭТОГО момента, а не исходя ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ. ВВЛ Поэтому я считаю, что для начала решения национального вопроса — надо вернуться к началу. Нужен национальный референдум. И исходить из интересов конк-

«Мне кажется, что сегодня для нас важнее поисков авторитетов проблема личности, естественной своей ценности, свою персону, свою независимость и свободу».

«Опять же у Мусоргского прокла: «Я разумею народ как великую личность».

«В народе — культ личности? Народ — как великая личность? Допустит ли государство такое? До недавнего времени государство охоче было до культуры много рода. А что сейчас? Сейчас единственно, на что мы пошли, это на признание, что не знаем общества, в котором мы живем, не знаем человека».

«Но послушаем Александра Сокурова».

«Первое, что вызывает у меня крайнее отторжение и крайнюю негативную реакцию, — это местоимение «мы», которое закрепилось на практике. «Мы недоглядели». «Мы недосмотрели». Кто это «мы»? Недоглядела и недосмотрела политическая система. Это — не мы. Это то, что существует над нами. Конечно, взаимосвязь есть, взаимозависимость есть, но не в такой степени, как предполагается».

«На мой взгляд, в течение длительного времени общество, которое стало называться советским, развивалось и существовало вне зависимости, вне какого-либо контакта с жизнью народа. Главными критериями стали политические критерии».

«Все бы ничего, но только осетру в болоте невозможно жить. Чтобы завелись осетры, нужна проточная вода. Что значит — «мы не занимаемся обществом»? Существовала политическая система, которую общество во не интересовало. Место обществу в этой системе не предполагалось. А вот — строй, ряд, ран жир — в них политическая система была крайне заинтересована».

«Система стала политическими категориями соизмерять, соотносить, проверять, например, искусство. Вопросы эстетики подменялись вопросами политики. И всякая эстетическая самостоятельность, независимость, любое эстетическое направление сразу приобретало для политического режима опасные очертания. И тут нет ничего удивительного. Эстетика очень неопределенна. Ее невозможно определить двумя-тремя фразами, тем более политическими».

«Но причины той ситуации, которая сложилась сегодня в стране, я повторяю — политические причины. Как я их вижу — не экономические, а сугубо политические. Это монополизация идеологии. Возвышение идеологии над всем остальным».

«Что можно сделать сейчас? Сделать можно самое простое. Не зря этой простоте так сопротивлялся наш Съезд народных депутатов. Надо вернуть вопрос о власти. И вопрос о собственности».

«Причины национальных конфликтов — тоже в политической структуре. Они появляются там, где критерием является не строгое историческое мышление, а вульгарно-политическое мышление, которое обслуживает интересы только определенного политического момента. Национальные конфликты сегодня крайне болезненны лишь потому, что их надо «хоть как-то решить». И решаются они исходя исключительно из ЭТОГО момента, а не исходя ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ. ВВЛ Поэтому я считаю, что для начала решения национального вопроса — надо вернуться к началу. Нужен национальный референдум. И исходить из интересов конк-

ретного народа, а не только «соотнести с интересами государства». Если этого не произойдет, никакой стоголовой мудрости человек ничего не решит. И войск не хватит, чтобы положение каким-то образом исправить».

«Почему существует политический кризис в стране? Это кризис доверия к Коммунистической партии Советского Союза. На Съезде эта фраза звучала несколько раз, но замаскировано. Я считаю, что об этом надо говорить прямо. Кризис доверия к партии, которая не смогла довести дело до конца ни по одной позиции. С экономической: формирование и создание силовой структуры. Сельское хозяйство просто уничтожено. В политической области: дискредитация идей государства, дискредитация идей власти, геноцид, полновластие чиновничьего аппарата. Конфликт с культурой кончился истреблением культуры».

«Демократизм должен подготовить значительное число политических лидеров разных политических направлений (но только не крайне левых и не крайне правых, ни первых, ни вторых допускать к власти нельзя), которые смогут воспринять опыт государственной жизни, осуществлять государственный порядок и жизнь государства с культурными целями. Постепенно может происходить переход политической власти к более широкому демократическим слоям».

«Мне кажется, что любая другая политическая партия сегодня может совершить гораздо более страшные ошибки в конкретном государственном строительстве, чем умудренная собственным горьким опытом Коммунистическая партия, однако над последней должен быть установлен строгий народный парламентский, государственный надзор. Ибо народ, государство выше любой партии».

«Советская элегия» как бы завершает трилогию элегий Александра Сокурова. (О Федоре Шапине была документальная лента «Элегия», об Андрее Тарковском — «Московская элегия»).

«Советская элегия» — фильм документальный. Но форма его — художественная. Для Сокурова вообще главное — художественное начало, но образное в прямом смысле, а духовное. Духовное наполнение картин».

«Довольно долго идет ряд портретов. И голос режиссера за кадром называет всех поименно: Ленин, Троцкий, Каменев, Сталин, Берия, Хрущев, Романов, Рашидов, Гришин, Горбачев, Ельцин... 118 человек из «высшего эшелона» власти. Зритель рассматривает каждое лицо и определяет свое — человеческое — к нему отношение. Ассоциации, возникающие при этом, могут быть самые разные, но они — личные, индивидуальные, вот что важно. И дело тут не в Сталине или Брежнев, как таковых, а в том, чтобы посмотреть на все с точки зрения людей».

«Что должно определять наш угол зрения? Знание истории, общества? Только знания бывает недостаточно. Может быть, надо больше доверять человеческой интуиции?»

«В фильме — Ельцин. Ни слова не сказавший Ельцин. Он в лесу. Он едет в лифте. Он сидит на своей кухне. Он думает. Мучается».

«В фильме — наша с вами жизнь. Наши смиренные кладбища и наши запыленные улицы, наши быстро стареющиеся многоэтажки и наши непереводящиеся бараны. Наши собственные лица, на которых так много написано...»

«Александр Сокуров никого не судит и никого не винит. Он знает, как трудно во человеке (не восславить) человека...»

«Советскую элгию» в мивуший четверг в «Пятом колесе» показало Ленинградское телевидение».

«У общества российского есть достоинство, которому я придаю чрезвычайное значение и которое имеет отношение к политике и культуре — это его внутренняя энергетика. Это мир совершенно, абсолютно энергетически, энергия разбросана и нестабилизирована, но в определенном смысле именно эта энергия дает возможность повернуть общество к деятельности».

«Однако, учитывая, что к внутренней нестабильной энергии добавляется низкий уровень культуры (культуры интеллектуальной, бытовой), эта деятельность может привести к последствиям и почти непредсказуемым».

«Хотя в сказанном мною есть и противоречие: в целом российские люди — общество страшно утомленных людей».

«Александр Николаевич, что, по-вашему, определяет личность?»

«Судьба, одаренность, трудолюбие, обязательность — общечеловеческое».

«Из выступления Александра Сокурова перед студентами МГУ»:

«Хочу сказать одно: поскольку я здесь вырос, то несудостойства и недостатки этого образа жизни. Я не могу быть один, и есть обязательно среда людей, которым интересно то же, что и мне. Я уверен, что художников одиноких нет. И что вообще ничто не происходит в одиночку. Я хочу, чтобы были люди, которых волнует то же, что и меня».